

ХРОНИКА КОЗЬМЫ ПРАЖСКОГО И ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЧЕШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Первая и самая древняя хроника в Чехии была создана в период с 1119 по 1125 годы. Её автор – декан княжеского костёла на Пражском Граде – Козьма – жил примерно с 1045 г. по 1125 г. Впрочем, год рождения хрониста в литературе считается вопросом дискуссионным¹ (как и другие данные биографии). Некоторые историки предполагают, что Козьма появился на свет в 1054 году. Козьма принадлежал к духовному сословию, учился в школе пражского капитула, а затем, по обычаю того времени, прошёл обучение в Западной Европе, в том числе, в Люттихе, где существовали лучшие школы в Империи. Вопреки правилам был женатым клириком и имел сына. Образованный и эрудированный Козьма быстро сделал карьеру и стал представителем высшего пражского духовенства.

Хроника Козьмы состоит из трёх книг и называется «*Chronica Bohemorum*». Задумав писать историю Чехии, автор изучил некоторые источники². Он сам упоминает, что читал «Привилегиум Моравской церкви», «Эпилог этой Земли и Чехии», жития «Жизнь или мученическая смерть св. Вацлава» и «Жизнь или мученическая смерть св. Войтеха». К отдельным книгам хроники он написал предисловия по античному образцу, наполненные различными рассуждениями. Действующим лицам вложил в уста искусственные речи и высказывания. Он также включил в своё сочинение ряд интересных историй и пикантных анекдотов для привлечения внимания читателей, использовал игру слов и делал много сравнений; часть текста написана рифмованной прозой. В сочинение вставлено более двухсот строк, написанных гекзаметром.

Как и все остальные средневековые писатели, Козьма включал в своё сочинение целые пассажи из произведений предшественников, но не цитировал их. Так, он много раз использовал хронику Регинона³, хотя о ней не упомянул не единым словом. Заметим, что «*Liber de gestis regum Francorum*» самого Регинона, авторитет которой в эпоху Козьмы был велик, писалась таким же методом. Желая написать историю франков по образцу имперских анналов, Регинон делал большие извлечения из Юстина и истории Помпея Трога, бывших для него вершиной стилистического совершенства. Козьма же видел свой образец в сочинении Регинона. Чешский хронист использовал в своей хронике и цитаты из древних писателей.

Первая книга хроники Козьмы относится к области сказок и легенд. Рассказ о «Праотце Чехе», в том числе и о том, что он привёл чехов в страну, о Либуше, о Пршемысле, о девичьей войне, о первых князьях – представляют собой легенды, частично выдуманнные самим Козьмой.

¹ *Třeštík D. Kozmova Kronica. Praha, 1968. S. 33–41.*

² *Fiala Zd. Přemyslovské Čechy. Praha, 1975. S. 117–118.*

³ *Třeštík D. Kosmas a Regino. Ke kritice Kosmovy kroniky // ČSČH, 1960. № 8. S. 564–587.*

Козьма также придумал Крока и его дочерей и дал им имена. Две следующие главы хроники имеют большее историческое ядро, однако и они изобилуют ошибками, а многие сообщения хроники свидетельствуют о тенденциозности автора.

Целый ряд ошибочных дат появляется там, где источники хрониста – анналы – указывают правильные даты. Особенно это заметно при описании истории епископства в Праге. Козьма знал о том, что при основании епископства решающую роль играл Болеслав I, ибо и сам говорит, что грамота папы Иоанна XIII об учреждении епископства адресована именно этому королю. Но Болеслав I был для Козьмы убийцей Св. Вацлава и потому был отодвинут в тень, а, собственно основателем епископства у Козьмы стал Болеслав II. Поводом к перемещению хронологии всех событий стала неправильная дата смерти Болеслава I (967 вместо 972), обозначенная в анналах. Это дало повод Козьме считать 967 г. датой выбора первого епископа. Организатором епископства Козьма сделал Войтеха и объявил его первым епископом, что не соответствует действительности.

Во второй книге, как уверяет Козьма, он пишет о том, чему был сам свидетелем. Так под 1074 г. он говорит о чуде Радима в Кракове. Желая подчеркнуть значение чудес Вацлава и Войтеха, он под 1091 г. говорит, что был их свидетелем, так же как и чуда Св. Людмилы в 1100 году. Стремясь подчеркнуть значение грамоты императора Генриха IV об объединении Пражского и Оломоуцкого епископств, Козьма утверждает, что видел, как Генрих IV собственноручно ставил монограмму на грамоту.

Подтверждение чуда собственным свидетельством есть топос агиографии и высказывания Козьмы определённо идут от этой традиции. Что касается грамоты Генриха IV, то здесь личное свидетельство Козьмы более чем сомнительно. Целый ряд фактов говорит, что Козьма вообще не был в Майнце при даровании грамоты. Всё это наводит на мысль, что «личное свидетельство» есть топос эпического и нарративного стиля описания, равно как и агиографии.

Козьма не был беспристрастным повествователем. Так, он полностью исключил из своей хроники историю и вообще упоминание о Сазавском монастыре, где до XI века была славянская литургия. И хотя в XI в, после смерти Вратислава I, монастырь был латинизирован, а славянские монахи изгнаны, Козьма, как представитель официальной латинской церкви, не упомянул о «схизматиках». Хронист не имел понятия о существовании такого знаменитого государя, как Болеслав Храбрый, искажал характеристики некоторых князей, особенно Вратислава II. В хронике отсутствуют сведения за 1074–1081 гг., период военной славы Вратислава. О смерти этого князя хронист даже не упомянул.

Неприятель Козьмы к Вратиславу часто объясняется тем, что хронист был сторонником епископа Яромира, враждовавшего с братом князем Вратиславом. Кроме того, Козьма, с молодости воспитанный на латинском образовании и догматике западной церкви, считал Вратислава защитником и приверженцем славянских схизматиков на Сазаве и неприятелем церкви. Наконец, Вратислав основал капитул на Вышеграде, ставший конкурентом Святовитскому, к которому принадлежал Козьма, ущемил права Пражского епископства, во главе которого стоял Яромир, учредив епископство в Оломоуце. Не случайно в хронике не упоминаются переговоры Вратислава с папой о славянской литургии, кроме того, в неё включена поддельная папская учредительная грамота, в которой имеется запрет славянского богослужения, тоже поддельный.

Таким образом, Козьма защищал конкретные интересы церкви и, в частности, интересы пражского капитула. Он не был беспристрастным информатором о прошлом. В целом Козьма большее внимание уделял форме, чем содержанию, он скорее стремился создать хороший литературный труд. К этому стремились все средневековые историки, так как между литературой и историей не видели различий.

Хроника Козьмы после её написания широко распространилась среди образованных кругов того времени. До настоящего времени дошло 15 её списков. В разное историческое время она воспринималась по-разному, но долго оказывала влияние на чешскую историографическую традицию.

Вскоре после смерти Козьмы появились его продолжатели. Незвестный монах Сазавского монастыря переписал текст хроники Козьмы, внёс в него дополнительные сведения о Сазавском и Бржевновском монастырях, используя в качестве источников некрологи, анналы и акты этих монастырей. Тем самым он заполнил пробел в хронике Козьмы, умышленно умолчавшем об основании Сазавского монастыря по вышеупомянутым причинам. Переписав и дополнив хронику Козьмы, сазавский монах далее продолжал повествование и довёл изложение событий до 1162 г. Автор продолжения заимствовал у Козьмы и стилистические украшения, хотя не достиг уровня своего предшественника. Сохранилась ещё одна рукопись, созданная анонимным каноником Вышеградским, который, переписав хронику Козьмы, продолжил рассказ о событиях до 1142 года. Оба эти авторы называются в литературе «первые продолжатели Козьмы».

Существует также комплекс летописей и повествований, доводящий изложение чешской истории до 1283 года. Он составлен из записей разных авторов. К наиболее ранним сочинениям этого комплекса относится хроника Винценция, описывающая события с 1140 по 1167 г. Его непосредственным продолжателем является Ярлох (Герлах), доведший изложение до 1198 года. Другие части цикла написаны анонимными авторами: они представляют собой анналистические заметки и подробные описания отдельных сюжетов. Сочинения не представляют единого целого. В стилистике многих записей проявляется сильное влияние хроники Козьмы, которая была для авторов образцом, но недостижимым. Этот цикл хроник и записок, созданный, вероятно, представителями пражского духовенства именуется Вторыми продолжателями Козьмы⁴.

Наряду с продолжателями хроники Козьмы существовали и подражатели. Одной из важнейших хроник чешского средневековья является Збраславская хроника⁵, созданная в начале XIV века двумя хронистами Збраславского монастыря. Этот монастырь был основан в 1292 году королём Вацлавом II и первый автор хроники – Отгон – создал легендарную биографию его основателя. Сведения о событиях, касающихся Пршемьсла Оттакара II (отца Вацлава II), аббат Отгон черпал из Вторых продолжателей Козьмы. Образ Вацлава II хронист преподносит занимательно, восторженно, используя метафоры, сентенции, сравнения, чтобы возбудить у читателей как можно больше симпатий к своему герою. Такой способ изложения был характерен и для хроники Козьмы, как, впрочем, и всей европейской продукции этого жанра.

Почти одновременно с хроникой Збраславской на рубеже первого и второго десятилетия XIV в. возникло любопытное литературное и историческое сочинение – рифмованная хроника на чешском языке. По не-

⁴ Pokračovatelé Kosmovi. Praha, 1974.

⁵ Zbraslavská kronica. Chronicon aulae Regiae. Svoboda. Praha, 1976.

доразумению или ошибке более поздняя историография несколько столетий приписывала её Далими́лу Мезержичскому, которого хронист XVI века Вацлав Гаек из Либочан называет каноником болеславским. И хотя атрибуция определённно ошибочная и существование каноника болеславского как исторического лица не доказано, название прижилось, и со времени Гаека хроника известна под именем Далимиловой или так называемой Далимиловой⁶. Хроника Далими́ла является уникальным источником: она выражает взгляды и настроения определённой группы чешского феодального общества начала XIV века⁷. Кроме того хроника Далими́ла является первым историческим сочинением на чешском языке и вообще одним из первых чешских литературных сочинений.

Так называемый Далими́л писал хронику для того, чтобы осветить всю чешскую историю вплоть до своего времени на чешском языке. Своё намерение он обосновал тем, что до сих пор нет ни единой хроники, которая бы излагала всю чешскую историю до его времени. В этом Далими́л неточен, такие хроники существовали, но, очевидно, автора они не удовлетворяли. Кроме того, Далими́л заботился и о чешском языке, хотел, «чтобы его каждый учил и свой язык уважал».

Главным источником хроники Далими́ла является хроника Козьмы Пражского. Он опирался на неё в своём изложении чешской истории с самого начала до 1125, когда этот источник заканчивался. Однако, если в XII и XIII в. хроника Козьмы полностью переписывалась, дополнялась новыми сведениями, по разным причинам в неё не вошедшими, или из неё извлекались определённые фрагменты без каких-либо комментариев, то Далими́л интерпретировал данные хроники, дополняя их или приспособлявая к своим взглядам на события. Вместе с тем Далими́л заимствовал из хроники Козьмы и некоторые ошибки, например, ошибочную хронологию, ошибочные имена (например, Мешек вместо Болеслава Храброго), неточно переводил целые предложения, допускал недомолвки и искажения. При этом хронист добавил ошибок. Так, у него перепутана последовательность пребывания во власти пражских епископов, которая в хронике Козьмы, за исключением нескольких случаев, приводится правильно. Бросается в глаза путаница в отношении двух чешских королей – Вратислава и Владислава и их жён, и нескольких венгерских. В некоторых, явно заимствованных из Козьмы эпизодах, имеются отличия в мелких деталях. При изложении материала о Святополке и старой Моравии Далими́л скомбинировал сведения из Козьмы и некой «моравской» хроники. Особенно существенно Далими́л «обогастил» повествование

---

⁶ Kronaka tak řečeného Dalimila. Svoboda. Praha, 1977.

⁷ В 1991 г. в Праге вышла книга *Tajemství jména Dalimil* (Гайна имени Далими́л), автор которой Радко Штястный, специалист по истории литературы до периода национального возрождения, косвенными доказательствами и логическими рассуждениями показывает, что Далими́лом мог быть Пётр I из Рожемберка (1282–1347), шляхтич, монах и рыцарь, высший государственный сановник, равноценный партнер короля Яна Люксембургского и императора Карла IV, создатель огромной югочешской рожембергской державы. Это не первая попытка определить авторство одного из важнейших литературных сочинений в Чехии. Настоящая авторская попытка как бы синтезирует предшествующие гипотезы и опирается на новые данные. Это неизвестные ранее детали из некрополя Рожмберков в монастырском костеле в Высшем Броде. Интересна далимилова философия чешской истории, сущность которой состоит в принципе политического дуализма в избрании государственной власти как равноценного равновесия власти, демократии, отвечающей чешскому национальному характеру. Как только появлялись противоречия, не критическое отношения к иностранцам, возникала анархия, иностранное вмешательство во вред населению. Автор считает, что такая философия могла разделяться определенными кругами крупных чешских феодалов и так называемый Далими́л или Пётр I Рожемберк был выразителем их взглядов.

Козьмы о жизни и убиении святого Вацлава. Здесь, по-видимому, была использована святовацлавская легенда «*Oriente iam sole*», откуда заимствована и цитата из Библии, а также и ошибочная дата убиения Вацлава. Традиция и устные рассказы относятся к одному из главных источников хроники. Некоторые «устные рассказы» полностью вымышлены самим Далимилом или «обогащены» его изложением.

Из хроники Козьмы так называемый Далимил перенял некоторые этимологические объяснения, например, имя Чехи, Прага, Девин. Рядом с ними он приводит и собственные объяснения, часто искусственные. Если некоторые события хронист освещает явно на основе хроники, то оценивает их он весьма вольно и сумбурно. Вероятно, он весьма поверхностно прочёл хронику Козьмы и соединил события разного времени, а возможно, и потому, что приспособлял материал к собственному мнению.

Если многие события и факты, заимствованные из хроники Козьмы, использованы Далимилом весьма свободно, то ещё меньше достоверного в том материале, при изложении которого автор не мог на неё опираться. После 1125 г. так называемый Далимил потерял всякую ориентацию в истории Чехии.

Вся хроника создана с тем, чтобы автору высказать своё мнение по поводу существующих порядков. От начала до конца сочинение проникнуто ненавистью к немцам. Национализм Далимила обусловлен политическими и экономическими отношениями в Чехии в его время, когда немецкий патрициат всё более занимал господствующие позиции в экономике, когда на чешском троне меняются короли-иностранцы и, наконец, когда в Чехии господствовали иностранные советники Яна Люксембургского. Так называемый Далимил выражает и защищает интересы определённого общественного слоя. Таким образом, хроника является как бы зеркалом настроений того времени.

Произведение Далимила было переведено на немецкий язык и распространилось среди образованных людей в Чехии. Сохранилось большое число её рукописей и их фрагментов. Из него черпали многие хронисты более позднего периода. Таким путём сведения Козьмы проникали и в последующую чешскую средневековую историографию.

Хроника Козьмы перерабатывалась и в других сочинениях XIV века. В 1341 г. начал писать своё сочинение приближённый к Пражскому епископу Яну IV из Дражиц) Франтишек Пражский. Он создал несколько вариантов, изложив период истории от Вацлава I до 1316 в первой книге. Четыре главы этой книги написано на основании Вторых продолжателей Козьмы. Широкую популярность в период правления в Чехии Карла IV приобрела «Чешская хроника» Пршибика Пулкавы из Раденина. Она описывала события «от начала земли чешской до периода правления» Яна Люксембургского – отца Карла IV. Хроника сохранилась в латинском, старочешском и средневерхненемецком варианте.

Пршибик Пулкава – лицо историческое, но о нём мало сведений, можно только утверждать, что он, вероятно, был образованным шляхтичем в окружении Карла IV и умер в 1380 году. Пршибик Пулкава начинает своё повествование сообщением об уходе славян от неоконченного строительства Вавилонской башни и их прибытии в Чехию.

Древний период чешской истории – до 1125 года, Пулкава написал на основании хроники Козьмы и Далимила. Текст своих предшественников он частично исправил, местами дополнил, прибавил некоторые «этимологические» объяснения ряда названий: например, латинское название Чехии «Богемия» он связывает со словом «бог», название «славяне» производит от «слово», объясняет смысл имён мифологических князей.

Ряд новых мотивов Пулкава ввёл и в описание исторического периода чешской истории. Так, в освещение событий в Старой Моравии он внёс свои добавления к комбинации данных хроники Козьмы и легенды Кристиана.

На место, где Козьма упоминает о Св. Людмиле и Св. Вацлаве, Пулкава вставил Святовацлавскую легенду Карла IV. Далее, он внёс житие Св. Войтеха и на основе Войтеховых легенд и других источников создал целый новый текст. При изложении материала о коронации Вратислава II, Пулкава существенно расширил текст Козьмы. Если Козьма даёт об этом только краткую информацию, то Пулкава описал событие в духе коронационного устава Карла IV.

Основание вышеградского костёла Пулкава изложил по данным каноника Вышеградского, т. е. одного из первых продолжателей Козьмы, а также использовал материал Вторых продолжателей, впрочем, существенно его сократив. Таким образом, хроника Пулкавы является компиляцией из известных и из некоторых неизвестных источников. Автор свободно обращался со своими предшественниками, сокращал сведения, дополнял, вписывал непроверенные или вымышленные данные, часто изымал даты. Как исторический источник хроника Пулкавы весьма ненадёжна, но важна для понимания времени. Она проникнута государственно-правовой и идеологической концепцией власти государя, которую развивал Карл IV, и являлась обоснованием политики императора⁸.

В XIV в. в Чехии возникли ещё две хроники, в которых находятся следы влияния Хроники Козьмы Пражского. Автор одной из них, «Чешской хроники», Джованни Мариньола⁹, образованный флорентиец, член ордена миноритов, известный своими путешествиями по странам Востока. Он родился в конце XIII – начале XIV в. и умер в 1359 г., кроме других достоинств владел искусством красивого латинского стиля. Епископ Мариньола пребывал при дворе Карла IV и был выбран в качестве хрониста, который бы своим сочинением включил чешскую историю во всемирную. Карл IV предложил основу и структуру хроники. Её автор получил в своё распоряжение все главные источники чешской истории – хронику Козьмы, её продолжателей, легенды и др. Мировую историю Мариньола в своей хронике, в сущности, ограничил комментариями библейских событий. Чешскую историю он создал на основании хроники Козьмы и хроник продолжателей Козьмы. Для изложения истории о Св. Вацлаве Мариньола использовал легенду Кристиана, истории Св. Войтеха – старейшие Войтеховские легенды. Таким образом, у Мариньолы есть некоторые подробности, отсутствующие в хронике Козьмы. История чешских князей у Мариньолы заканчивается 1283 г., то есть также как у Вторых продолжателей Козьмы. Церковная история Чехии доведена до 30-х гг. XIII века.

Здесь источником ему снова была хроника Козьмы и его продолжателей. Извлечения из них приведены непоследовательно и небрежно. Обладая широкой эрудицией, он дополнял сведения, почерпнутые из источников, впрочем, как правило, данными о своих путешествиях и чудесных приключениях. В целом попытка включить чешскую историю в контекст мировой оказалась неудачной. Период правления Карла IV в сочинении Мариньолы освещён на основании автобиографии императора, что направлено на прославление личности государя и его народа.

---

⁸ Příbík z Radenina, řečený Pulkava. Kronika česká // Kroniky doby Karla IV. 1987. S. 269–445.

⁹ Jan Marignola. Kronika česká // Kroniky doby Karla IV. Pr., 1987. S. 445–529.

Ещё одной попыткой включить чешскую историю в мировой контекст была хроника Неплаха¹⁰ – аббата бенедиктинского монастыря в Опатовицах над Лабой. Хронист жил с 1322 по 1371 г, был близок ко двору Карла IV, выполнял его дипломатические поручения и сопровождал императора в его поездках. Неплах написал краткое изложение истории римской и чешской, т.е. привел некоторые сведения о святых, римских папах и римских императорах. Информацию о древней чешской истории он черпал из хроники Козьмы и из некоторых легенд. С 1266 г. использовал кроме Вторых продолжателей Козьмы также и хронисту так называемого Далимила.

Хотя автор был императорским придворным, его хронисту нельзя считать официальным сочинением периода правления Карла IV, ибо политические взгляды императора в ней не нашли отражения.

Как известно, XV век чешской истории представляет собой период реформации, гуситской революции и гуситского движения. В это время была создана многожанровая чешская и латинская литература, в основном отражающая современные события, что было характерно как для прогуситских, так и антигуситских сочинений. Исторические произведения были большой редкостью. Хроника Козьмы утратила свою популярность и по причинам идеологического порядка: сведения, предоставляемые читателям католическим священником не могли быть приемлемы сторонниками реформации церкви.

Поэтому наиболее яркий пример своеобразного усвоения материалов, содержащихся в хронике Козьмы, нам представлен в XVI в., главным образом в «Чешской хронике» Вацлава Гаека из Либочан (конец XV в. – 1553), хотя и другие хронисты, например, Мартин Кутен из Шпринсберка в «Хронике об основании чешской земли и первых её обитателях» пользуется данными хроники Козьмы непосредственно или через сочинение Пулкавы.

Вацлав Гаек из Либочан привлек широкий круг источников. Но, стремясь к созданию занимательного сочинения и к литературному успеху – создал произведение, не имеющее значения исторического источника. По заказу католической шляхты Гаек написал тенденциозное произведение, направленное против реформационной историографии. Чтобы осветить ореолом древности происхождение шляхетских меценатов, от которых должен был получить награду и признание, хронист дополнял, домысливал и переделывал факты, придумывал новые и вообще выбирал из источников то, что ему казалось близким к правде. В результате вышло сочинение, полное измышлений, противоречащих фактам утверждений, тенденциозное в политическом и религиозном отношении.

Но по литературным достоинствам хроника Гаека стояла на высоком уровне. Современный историк чешской литературы В.В. Мочалова считает, что на фоне невзрачной и скучной литературы протестантского направления «заметно выделяется талантливо написанная и пользовавшаяся исключительной известностью на протяжении последующих трёх веков «чешская хроника» образованного католического священника Вацлава Гаека из Либочан... Его честолюбивая попытка написать историю Чехии в духе античной историографии, начиная от легендарных времён до вступления Габсбургов на чешский трон в 1526 г., опиралась на многочисленные источники (в том числе – сказания, труды предшественников – Козьмы, Далимила, современные документы)»¹¹.

¹⁰ Neplach. Stručné sepsané kroniky římské a české // Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987. S. 525–550.

¹¹ История литератур западных и южных славян. От истоков до середины XVIII в. М., 1997. Т. 1. С. 654.

Однако чешский историк XIX в. Ф. Палацкий был другого мнения о Гаеке. Он считал его сознательным лжецом и фальсификатором, самым крупным разрушителем здания «истинной чешской истории» и шарлатаном.

Но «Хроника» Гаека была действительно популярна особенно в по-слебелогорский период, когда утравкистская литература запрещалась, и вообще все написанные на чешском языке произведения возбуждали подозрение в еретичестве, антишляхетской направленности и т. п., а потому преследовались, тогда как хроника Гаека была и прокатолической, и прошляхетской и её можно было читать. В новой политической ситуации «Хроника» перестала быть историческим сочинением, а, написанная на чешском языке, стала патриотическим чтением. Она поддерживала национальное самосознание, удерживала живую языковую связь. Её данные проникали в книги народного чтения, народные хроники и печатные публикации. Отрицательную роль сыграла хроника в сочинениях, взявших её за основу знаний о чешской истории. Она вошла в сочинения Дубравиа, Даниэла Адама из Велеславина и Папроцкого, а также историков побелогорского периода – Странского, Бальбина, Пешины и Бецковского.

Однако в XVIII в. в результате полемики Г. Добнера и сторонников хроники Гаека, его фальсификации были разоблачены. Поскольку в определённой части хроники Гаека использована хроника Козьмы, сведения из неё также подверглись ревизии.

Заключая изложение вопроса о восприятии Хроники Козьмы Пражского более поздней чешской историографией, следует констатировать, что в течение столетий оно менялось в зависимости от развития историографии и общественно – политических условий в стране. Сразу после Козьмы его труд просто полностью переписывался его почитателями без существенных изменений, но с добавлением сведений, отсутствовавших в «Хронике». В XII–XIII вв. такое использование труда первого чешского хрониста было наиболее распространённой практикой. С XIV в. наблюдается форма интерпретации сведений Козьмы в зависимости от политических или национальных взглядов автора. Данные Козьмы привлекаются, чтобы подтвердить или аргументировать позицию автора нового произведения. На протяжении всего средневековья хроника Козьмы была главным источником при освещении древнего периода чешской истории, её данные использовались без какой бы то ни было критики, также как цитаты из библии или из античных авторов. Критика источников в средние века долгое время отсутствовала в исторических работах.

Косвенная критика показаний Козьмы началась в период Просвещения в связи с разбором вопроса о ценности хроники Гаека как исторического источника. Но не только XVIII в., но и вся романтическая историография XIX века основывала свои исследования о древней чешской истории на данных хроники Козьмы, считая их достоверными и точными. Кульминацией этого явления было создание в начале XIX века на основе данных Козьмы знаменитой фальсификации Ганки под названием «Суд Либуши», т.е. рукописи Зеленогорской.

Впрочем, в том же XIX веке началось исследование источников хроники Козьмы, исторических условий и мотивов её создания. Больших достижений в этом процессе добилась чешская позитивистская историография первой половины XX века. Постепенное изучение проблем чешской истории, предпринятое в XX веке, дало основание определить реальное место хроники Козьмы в источниковой базе чешской древней истории.